

Размышляя над прочитанным

УДК 115.85.23

ПОСОЛ РЕАЛЬНЫХ СВЕРШЕНИЙ (памяти Ю.М. Воронцова)

© 2012 г. **В.А. Соколов***
*Московский Государственный университет
культуры и искусств*

*«Жизнь Юлия Михайловича – это
уникальный пример для других,
показывающий, что дела
в дипломатии важнее слов»
В.Ф. Петровский [1, с. 97].*

Автор напоминает об уникальных достижениях выдающегося отечественного дипломата Ю.М. Воронцова на основных направлениях внешней политики СССР и РФ, важнейшее из которых – отношения с США.

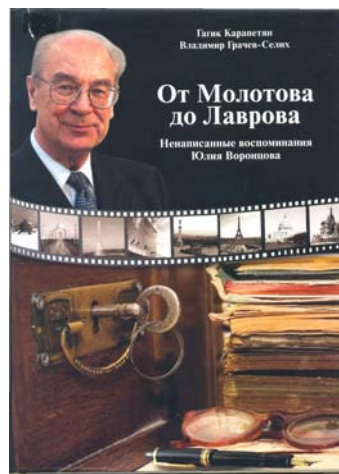
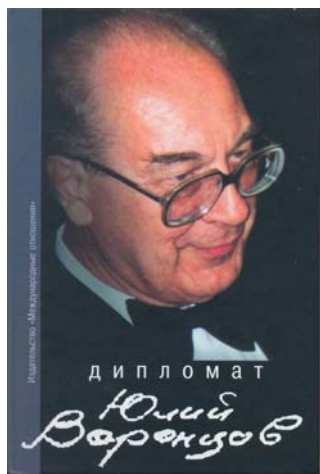
Ключевые слова: *Ю.М. Воронцов, дипломатия слова и дела, американский фактор, политическое взаимодействие, роль личных взаимоотношений, твёрдость в принципах, изобретательность и гибкость в тактической линии, Косово и Чечня, знание истории для убедительной аргументации, пагубность «корпоративного сговора» в науке*

Опубликованный несколько лет назад «Сборник воспоминаний» выдающегося дипломата Юлия Воронцова [1] и последовавшие за ним «Ненаписанные воспоминания» Юлия Михайловича [2] вызвали большой интерес читательской аудитории, прежде всего с точки зрения реальных достижений признанного мэтра отечественной дипломатии и высказанных им в этой связи мыслей.

Все свершения насыщенной дипломатической судьбы ещё при жизни безоговорочно свидетельствовали о выдающемся дипломатическом таланте (друзья и коллеги сравнивали его с А.М. Горчаковым**), наиболее ярко проявившемся в сфере российско-американских отношений, но не только. Он занимал ответственные должности и на других участках дипломатической службы: в ООН, Индии, Афганистане, Франции, был первым заместителем министра иностранных дел СССР.

* СОКОЛОВ Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики МГУКИ. E-mail NSOKOL 21@ Mail Ru

** А.М. Горчаков – гордость российской дипломатии, был министром иностранных дел России с 1856 г., а затем канцлером в 1867–1882 гг. – *Ред.*

Как отмечал А.Ф. Добрынин, Ю. Воронцов «правильно сделал “американский фактор” стержневым в своём анализе развития внешнеполитической обстановки в мире. Ход событий во второй половине XX века подтвердил правильность такого концентрирования нашего внимания на американской тематике, а практические шаги Советского Союза по парированию агрессивных шагов США в различных регионах мира, по созданию системы коллективной безопасности соответственно стали главным содержанием деятельности Ю.М. Воронцова на протяжении всех последовавших лет» [1, с. 40].

Роль А.Ф. Добрынина в становлении Воронцова как дипломата достаточно очевидна. Ему по праву принадлежит центральное место в двух рассматриваемых книгах. Особенно хотелось бы обратить внимание на ключевую оценку значения дипломатии Добрынина для советско-американских отношений, данную самим Ю.М. Воронцовым: «Когда наконец пришло понимание того, что надо сохранить жизнь самим себе, надо договариваться, открылось поле для дипломатии, и, надо сказать, первым таким очень влиятельным и успешным дипломатом, что касается нашей страны, оказался Анатолий Фёдорович Добрынин. Да, он инициировал, начал процесс поиска договорённостей. Началось с кубинского кризиса, когда мы подошли близко к тому, чтобы забросать друг друга ядерными бомбами. Когда надо было находить решение, выход из дурацкого положения, в которое лидеры обеих стран себя поставили. Тогда и проявилась огромная роль дипломатии в российско-американских отношениях» [2, с. 626].

Список реальных свершений впечатляющим образом пополнился на переговорах с США по ядерным и космическим вооружениям в Женеве. По свидетельству А.А. Бессмертных, «Юлий Михайлович был и оставался блистательным специалистом по одному из сложнейших направлений мировой политики – ограничению и сокращению наступательных и оборонительных ядерных вооружений» [1, с. 23].

«Воронцову, – подчёркивает С.А. Микоян, – принадлежала исключительно важная инициатива – превратить обещание покойного президента Джона Кеннеди не нападать на Кубу в обязательство США как государства» [1, с. 85].

И далее С.А. Микоян поясняет, что в середине 70-х годов наши подводные лодки с ядерными ракетами заходили в кубинский порт Сьенфуэгос для отдыха. Это вызывало беспокойство президента Р. Никсона и его госсекретаря Г. Киссинджера, которого Ю.М. Воронцов навёл на соглашение о государственном обязательстве США не нападать на Кубу, если советские ракетные подлодки не сделают Сьенфуэгос своей постоянной базой. Соглашение было признано Никсоном, одобрено Конгрессом США, предложено Воронцовым Москве и им подписано. «Так была поставлена, можно сказать, последняя точка в карибском ракетном кризисе», – резюмирует С.А. Микоян.

Несомненно, полезно понимание Воронцовым вопроса о национальной ПРО: «Это стало какой-то священной коровой у американцев и какой-то антикоровой у нас. И мы дёргаемся по этому поводу. Дёргаться, наверное, надо меньше, как мне представляется» [1, с. 170]. Более развёрнутые, можно сказать, пророческие суждения на эту тему были даны Воронцовым в интервью газете «Время новостей» от 25 января 2000 г.: «Я, хотя и без заданий, разговаривал с американскими представителями о ПРО. Я же 25 лет проработал в США и вправе по дружбе говорить правду, чем пользуюсь. Они глупость делают. На оборону выделяют 260 млрд. долл. в год. Куда их загнать, когда армия и ядерное оружие есть. Вот и выдумывают, что надо развернуть ПРО, а это сразу 50–60 млрд. долл. в “недопечённую” систему. Это может привести к большой беде, сорвёт договор по ПРО. Нам придётся реагировать. Странные они ребята. Всё, действительно, из-за того, что много денег. Хотя теперь даже среди республиканцев скептики появились» [2, с. 543].

На одной из встреч с американскими представителями ему, по воспоминаниям посла А.А. Обухова, лично удалось договориться о формулировке статьи в будущем Договоре об РСМД (ракетах средней и меньшей дальности) относительно «необхода обязательств, принимаемых сторонами» [1, с. 93]. Во времена Дж. Буша-старшего Воронцов говорил, что, если американский президент поставит во главу угла своей внешнеполитической программы создание национальной противоракетной обороны, «то, конечно, повалится всё в соотношении ракетно-ядерных сил, и нам придётся вкладывать деньги чёрт-те во что вместо того, чтобы заниматься экономикой» [1, с. 160].

По сути дела 50 лет своей дипломатической карьеры в различных качествах Ю.М. Воронцов посвятил ООН, где в 1954 г. начиналась его «американская эпопея» под начальством менявшихся друг друга беспощадных министров Молотова Вячеслава Михайловича и Вышинского Андрея Януарьевича, которого сотрудники за глаза называли Ягуар Ягуарович; Воронцов характеризовал его как «человека очень странного и непонятного» [2, с. 95], «немного склочного, вздёрнутого и очень активного» [2, с. 100].

Книга, в частности, содержит важную уточняющую деталь: именно Вышинский (который потом умер фактически на руках Воронцова) оказался причастным к ошибочному решению Сталина бойкотировать заседание Совета Безопасности после того, как было отклонено требование о правах КНР в ООН. В отсутствие на заседании постпреда СССР Я.А. Малика (которому, напомним, до сих пор нередко приписывают личное решение о бойкоте. – В.С.) американцы организовали интервенцию в Корею под флагом ООН [2, с. 91].

Воронцов вспоминал, что он «видел три разных периода в жизни ООН. Первый, скажем, с 1954 и до 1964 – время “холодной войны”». ООН, по существу, не работала в соответствии с её Уставом. Это была не организация по сотрудничеству, а организация по вражде, ругательствам, мало чего хорошего и продуктивного выходило. Несколько десятков государств (первоначально 51) были расколоты на два неравноценных лагеря. Небольшой – СССР и Варшавский Договор. И внушительный – США и их союзники. Шло сплошное взаимное политическое препирательство в полном смысле этого слова. Сейчас чудно вспомнить, но люди ругались друг с другом в ООН, гордились оскорблениями, которые они выслушивали от противоположной стороны. «Как-то представитель латиноамериканской страны при мне сказал: “Можете себе представить, сегодня Вышинский обозвал меня змеей”. И это он говорил, весело улыбаясь, будучи очень довольным» [2, с. 94]*. Сам Ю.М. Воронцов всегда был против использования ООН в качестве пропагандистской трибуны, – отмечает занимавший пост заместителя генерального секретаря ООН посол В.Ф. Петровский, – и стремился к тому, чтобы произнесённые там заявления сопровождались конкретными делами, принося реальный результат [1, с. 96].

По воспоминаниям посланника В.М. Каменева, Воронцов однажды заметил, что даже во времена «холодной войны» и напряжённых отношений с США наши личные взаимоотношения с американцами были нормальными, а зачастую и хорошими. Это помогало решать вопросы на официальном уровне и стимулировало симпатии к нашей стране у общественных деятелей [1, с. 42–43]. Ю.М. Воронцов, видимо, не случайно делает упор на «личных взаимоотношениях».

Как представляется, они могли сыграть свою роль во время его работы на таком ответственном участке, как пост постоянного представителя РФ при ООН в 90-е годы прошлого столетия. Именно тогда, напоминает директор Информационного центра ООН в Москве А.С. Горелик, с уходом со сцены Советского Союза, помимо прочих, вставала головоломная задача обеспечить неизменность статуса нашей страны в Организации Объединённых Наций: «Юлий Михайлович в эти дни проявил присущие ему твёрдость в принципах и одновременно изобретательность и гибкость в тактической линии. С помощью специалистов-правовиков (в том числе упомяну американских экспертов) тогда была найдена верная формула, согласно которой Россия была признана государством – продолжателем Советского Союза, а не правопреемником, как остальные бывшие советские республики. Это помогло распутать узел противоречий в отношении её места в Совете Безопасности и в ООН вообще. Удалось сохранить для нашей страны центральные позиции в Организации Объединённых Наций, что, замечу, очень и очень пригодились как раз в политически весьма беспокойные 1990-е годы» [1, с. 59–60].

Невольно задумываешься, почему американцы оказались готовыми помочь России сохранить её членство в СБ ООН. «Я, конечно, догадываюсь, – говорил

* Два других периода, отмеченных появлением в ООН молодых государств Азии и Африки с начала 60-х и прекращением конфронтации между блоками уже в наши дни, здесь развёрнуто не охвачены и представлены в других источниках.

потом Ю.М. Воронцов, – почему американцы нам тогда помогли – они не хотели менять Устав ООН. Там указаны постоянные члены Совета Безопасности: США, СССР, Франция, Китай, Англия. Всего пять. В ином случае появились бы ещё желающие открывать новые положения» [1, с. 198]. Дипломат был прав, отмечая, что, ООН – это тот участок, который «стал ещё более важен, когда из него выгнали весь мороз “холодной войны”» [2, с. 443]. В этом, несомненно, была и личная заслуга Ю. Воронцова.

Бывший генеральный секретарь ООН Кофи Аннан (1997–2006) отмечает, что Воронцов «олицетворял ключевые ценности ООН... Он отличался глубочайшей порядочностью и горячей приверженностью сотрудничеству, согласованию позиций и консенсусу» [2, с. 9].

На вопрос газеты «Коммерсант» 3 марта 2000 г. о причинах кризиса в российско-американских отношениях Ю.М. Воронцов ответил: «Кризис произошёл по вине американцев. Всё началось с расширения НАТО. Я как посол России в США был тогда активным участником переговоров. И скажу: с их стороны это был неспровоцированный акт, поставивший нас в тяжёлое положение. Мы доказывали, что их позиция не выдерживает никакой критики: “Вы стягиваете войска к нашим границам и пытаетесь выдать это за дружественный акт. Зачем? Разве вы ощущаете с нашей стороны какую-то угрозу?” Нам отвечали: “Это не имеет к вам никакого отношения”. “Тогда, – говорили мы, – расширяйтесь, к примеру, на юг”.

Мы предлагали вариант: если Польша, Чехия и Венгрия так уж хотят вступить в НАТО, включите их в политическую структуру блока. Но не передвигайте свои войска и базы в восточном направлении. Нет, отвечали они, мы так не можем. Потому что это будет создавать дискриминацию внутри НАТО: в одних странах есть базы, а в других нет. В итоге получилось так, как хотели они, и это осложнило наши отношения.

Другая причина кризиса – бомбёжки Югославии. На рубеже XXI века США внесли в мировую политику совершенно ненужный элемент, посчитав, что имеют право, используя военную силу, без санкции ООН заставить суверенное государство выполнять их волю. Это означает, что и все другие страны становятся потенциальными жертвами подобной политики: если Вашингтону что-то не нравится в их внутренней жизни и они не желают этого менять, то могут подвергнуться бомбардировке. В Уставе ООН ничего такого нет. Там есть только коллективные действия по отражению агрессии. Операция против Югославии нас возмутила. Ситуация в Косово была неоднозначной. Нельзя было обвинять во всём сербов. В провинции действовали боевики, получавшие оружие из Албании. И США фактически встали на их сторону. Здесь прямая аналогия с чеченской ситуацией: нам не нравится, как вы ведёте себя в Чечне, поэтому мы будем бомбить Москву. В отношении России, конечно, это не пройдёт, потому что мы в ответ можем ударить по Вашингтону. Но выходит, что любая малая страна может стать жертвой. Поэтому мы и возмутились. Это насторожило американцев. Но не наши, а их действия углубили кризис в отношениях» [1, с. 153–154].

Столь пространное воспроизведение этой части интервью Воронцова потребовалось потому, что в нём в достаточно концентрированном виде изложе-

на по-своему «долгоиграющая» аргументация видного дипломата относительно характера отношений России и США, которые могут и должны быть дружественными, но без ущерба для наших интересов.

«Реакция американцев на Чечню не особенно агрессивная, – замечает он. – Они на себе испытали, что такое терроризм: помните взрыв торгового центра в Нью-Йорке, теракты против посольств США? Единственное, за что они нас критикуют, это за несоразмерное применение силы в Чечне. Хотя ещё неизвестно, как бы они сами действовали в подобной ситуации. Подозреваю, что ещё более решительно чем мы». И далее посол делает поучительный экскурс в историю США, отмечая, что американцы сами через это прошли в 1861–1864 гг., когда южные штаты восстали и пытались отделиться. Он напоминал им об уничтожении Атланты: артиллерия северян сожгла город дотла [1, с. 155].

Пример с Атлантой показывает, насколько важно для убедительной аргументации дипломата глубокое знание им истории страны пребывания. Глубокое осмысление роли исторического фактора постоянно сопровождает рассуждения Ю.М. Воронцова: США «поднялись в общемировом значении только после Второй мировой, а в промежутках между войнами с ними не считались. Тогда варили всю политическую “кухню” в Европе и в мире французы, немцы, англичане. После Второй мировой ослабела Европа, разодрала себя в клочья после всех баталий, а американцы выросли и взяли на себя мировую роль. Или им дали, или так случилось. Но они оказались не готовы к статусу лидера. И до сих пор не готовы. У них нет начального образования. Они в международном образовании сразу перешли к высшему. У них чувствуется большой провал. События вырастают из мировой истории.

Кровавые драмы в Косово или в Боснии и Герцеговине берут начало с балканских войн 1911–1913 гг. Американцы тогда даже не видели никаких балканских сражений, находясь далеко за двумя океанами, и очень радовались, что океаны защищают их от бед, невзгод и потрясений. Два океана – щит, но он сыграл роль препятствия в американском международном образовании. И потому теперь им сложно: смело берутся за многие вещи, но без знания дела. Поэтому часто проваливаются. Думая, что всё у них пойдёт хорошо, что есть сила, деньги, экономическая мощь, часто сталкиваются с событиями, имеющими длинные корни в истории, и останавливаются в растерянности: что делать, если боснийцы и хорваты не хотят жить вместе? Их помирили, а жить всё равно рядом не хотят?! И не будут, потому что не жили они никогда вместе по доброй воле. Их в империи сгоняли. Но они хотят жить самостоятельно. Американцы же говорят: нужно жить федерацией, потому что они её учредили» [2, с. 490].

Быть может несколько неожиданно для себя послу Воронцову пришлось углублённо заниматься ещё одним историческим вопросом российско-американских отношений, уже на работе в Индии. Речь идёт об одном неоднозначно оцениваемом историческом исследовании – диссертации В.А. Росова «Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы)». Вместе с академиком Е.П. Чельшевым Ю.М. Воронцов отстаивал высокое имя Н.К. Рериха в борьбе с усмотренной им чудовищной клеветой

той, которая содержится в диссертации В.А. Росова, в которой даже утверждалось, что Рерих был «не великим художником-гуманистом, а политиком-авантюристом, готовившим вместе с Японией агрессию против Советского Союза» [1, с. 38–39]. Ю.М. Воронцов возмущённо пишет: «Великий русский художник, учёный, путешественник, выдающийся деятель мировой культуры Николай Рерих представлен в диссертации В. Росова как амбициозный политик, стремившийся вооружённым путём, в том числе при помощи разжигания религиозной войны, создать новое государство, захватив часть территорий СССР, Монголии, Китая и Северного Тибета (стр. дисс. 53, 80, 81, 201)» [1, с. 213].

В «Независимой газете» от 20 декабря 2007 г. автор статьи «Момент истины» Ю. Кудрявцев писал: «Ю.М. Воронцов до последнего дня пытался разъяснить нашему научному сообществу всю пагубность корпоративного сговора в науке, который может иметь серьёзные последствия как для самой науки, так и для внешнеполитической деятельности России. Однажды одобрив работу Росова без тщательного изучения, отнёсшись к защите как к пустой рутинной процедуре, многие академики и доктора не захотели признать своей ошибки и потребовать от диссертанта настоящих научных доказательств его утверждений. Вот тут и наступил для них тот момент истины, которого никогда не боялся Ю.М. Воронцов» [1, с. 235].

Почему так остро дипломат воспринимал эти «научные опыты»? Видимо, потому что в своей практической работе, прежде всего на американском направлении, ему неоднократно приходилось сталкиваться с известными политологическими «наездами» американских оппонентов, настойчиво приписывавших СССР миссионерские устремления с непременным захватом новых территорий. Критикуя Росова на заседании Бюро Отделения историко-филологических наук РАН, Воронцов заметил следующее: «Мне, как историку-международнику, ясно, в чём причина некоего перекоса, который получился у автора в описании деятельности Николая Константиновича Рериха в 20–30-е годы... Это очень неблагоприятная задача, которую поставил перед собой диссертант, с точки зрения международной. Получается, что действительно Рерих хотел отхватить куски территории от различных стран и создать некое государство, о котором нигде у Рериха не говорилось. И если этот тезис будет присутствовать в нашей научной мысли, он будет наносить нам ущерб в международном плане. Эдакие захватнические планы русского, российского мыслителя относительно территорий других стран и присоединения их к какому-то несуществующему государству» [1, с. 217, 218].

У Ю.М. Воронцова не было никаких иллюзий относительно геополитических амбиций самих американцев: «Всё, что можно забрать вокруг России, – им всё якобы надо. И Казахстан, и Киргизстан: главное – “отхватить” побольше. Как и во времена “холодной войны”, они любых неустойчивых в своей позиции людей тащили к себе – лишь бы затащить. А потом бросали внутри страны, так сказать, на произвол судьбы. Главное – сначала забрать, а потом уже разбираться, насколько это нужно» [1, с. 191].

Воспоминания Ю. Воронцова, хотя и названы «ненаписанными», становятся, благодаря собранному фактологическим материалам, живым свидетельст-

вом его захватывающей биографии. Обратимся, однако, к другим, без преувеличения, судьбоносным свершениям карьеры Ю.М. Воронцова в области советско-американских отношений.

К его уникальным дипломатическим качествам следует, несомненно, отнести умение сохранять достоинство в тех случаях, когда приходилось выполнять роль отступающей стороны, будь то в случае с решением уйти из Афганистана или с заседанием ГА ООН, символизировавшим распад СССР.

В первом случае на Западе кое-кто предполагал, что эта акция будет напоминать последние дни американцев в Сайгоне. Но Воронцову удалось (и это было огромным достижением!) договориться не стрелять в спину уходящим нашим солдатам.

Во втором случае, когда шёл приём в члены ООН бывших советских республик, российский постпред с присущим ему политическим чутьём и разумной обходительностью избрал, подмечает А.С. Горелик, наверное, оптимальный вариант поведения: вставал, подходил к коллегам, в том числе и из стран Прибалтики, и, улыбаясь, демонстративно пожимал им руки [1, с. 60]. Мудрая линия поведения с бывшими советскими республиками, ставшими членами ООН, позволила ему потом уверенно заявить: «Вы спросите у государств, которые входили в СССР. Они согласны с тем, что место в Совбезе отдано России» [2, с. 444].

Хотя, по образному выражению А.А. Обухова, «в жилах Ю.М. Воронцова текла кровь советско-российской американистики» и он хорошо понимал важность поддержания нормальных, деловых отношений с США, он был реалист и не разделял сентиментальных представлений, которые порою возникали в «период разрядки», относительно «родства душ у русских и американцев» [1, с. 91] и не мог не замечать, подчёркивает посол В.В. Шустов, «как некоторые наши партнёры падки порой на лесть американцев и готовы за похвалу пойти на неоправданные уступки в ущерб нашим государственным интересам» [1, с. 119].

Он глубоко изучал методы и стиль американской дипломатии и пришёл к выводу, что если одарять американцев уступками – одна за другой, то никакой благодарности в ответ не получишь. Они могут пойти на компромисс, когда им это выгодно, но могут, как показало их отношение к Договору по ПРО, легко и без зазрения совести отказаться от достигнутой договорённости. Но это критическое отношение к американцам не мешало Воронцову видеть то, чему следовало бы поучиться у американцев: «Первое – это трудолюбие. К любой работе американец подходит ответственно и даже с гордостью. Наверное, это пришло из Северной Европы – от трудолюбивых немцев, голландцев, шведов и прочих. Второе – патриотизм. Хотя иногда его проявление несколько показное, однако, американцы чувствуют искренне» [1, с. 124].

Хорошее знание американских политических механизмов, понимание психологии людей, которые принимают в Вашингтоне решения, позволило Воронцову сделать любопытные выводы: «В США есть грамотные специалисты – в том же Госдепартаменте. Но их рекомендаций не слышат. Решения принимаются непрофессионалами: конгрессменами, сенаторами, которые никогда не занимались внешней политикой, им всё кажется гораздо проще» [1, с. 138].

«В США есть различия между партиями внутри страны, но насчёт внешней политики их почти нет... Республиканцы консервативнее и высказываются иногда жёстче. Но на них можно больше полагаться: как говорят – так и делают, более предсказуемы. Демократы внешне более либеральны и дружелюбны, но на протяжении всей истории наших отношений часто высказывались в отношении России лучше, чем поступали» [1, с. 141].

Сейчас неизвестно, всегда ли учитывалась у нас психология принятия решений в США, но очевидные просчёты в отношении возможных действий американцев, как известно, однажды дорого обошлись нашей стране: «Кто-то убедил наше руководство, – вспоминал Воронцов, – что в Афганистан собираются войти американские войска. Якобы к портам Пакистана уже шли американские военные корабли, а в Джеллалабаде уже стоял американский передовой отряд. Этого, конечно же, в Политбюро допустить не могли... Я не знаю, кто разрабатывал эту увенчавшуюся успехом провокацию. Знаю только, что наше руководство на ней “купилося”» [1, с. 142, 143].

Когда в некоторых наших газетах, а особенно в западной прессе, писалось, что в Чечне мы вновь наступаем на те же грабли, Воронцов выдвигал следующую аргументацию: «Сопоставление абсолютно неправомерное, бессмысленное. Вторгаясь в Афганистан, советские войска пересекали государственную границу СССР, они вели военные действия в суверенной чужой стране, являющейся полноправным членом ООН (добавим, что Афганистан был ещё членом Движения Неприсоединения, выступающего против вмешательства во внутренние дела других стран. – *В.С.*) Чечня – неотъемлемая составная часть РФ, наши войска действуют на территории своей страны, они ведут борьбу с терроризмом, признанным величайшим злом во всём мире. Что тут общего?» [1, с. 150].

Теперь, когда с бен Ладеном покончено, интересно будет обратиться к рассуждениям Воронцова о его роли в террористических атаках: «Бен Ладен, я думаю, идеологический вдохновитель и финансист. А вот кто занимался непосредственной подготовкой – надо ещё докопаться. Может, какая-то интернациональная организация... Мы же давно предупреждали, что события в Чечне могут обернуться не только против нас, надо смотреть в корень. Но корня американцы не увидели, только цветочки. У них была тенденция заигрывать с мусульманами, чтобы сбалансировать поддержку Израиля. Вот и доигрались... То, что случилось в Нью-Йорке и Вашингтоне – очень большая беда. Но от неё будет польза – они начинают учиться на своих ошибках. Как говорят сами американцы, это уже “совсем другая игра в мяч”» [2, с. 648].

«В России на происходящее в Афганистане, – писал в одной из своих статей Ю. Воронцов в сентябре 2001 г., – есть две точки зрения. Первая: создавшаяся ситуация – уникальный шанс улучшить отношения с США, войдя в антитеррористическую коалицию, которую они создают. Вторая: ничего предпринимать не нужно, нельзя ссориться с исламским миром. Думаю, правильной должна быть “срединная линия”: поддерживать только те действия США, которые действительно идут на пользу в борьбе с терроризмом. Если американцы начнут повторять наши ошибки и воевать с афганским народом – зачем нам в этом участвовать?» [2, с. 651–652].

Несмотря на «американские заклинания», он был убеждён, что Россия остаётся великой державой: «Нас называли сверхдержавой из-за ядерного оружия, из-за того что мы с США могли уничтожить друг друга и весь мир в течение часа-полтора. Так что же изменилось? СССР не стало, но есть Россия. И она остаётся великой державой. Поэтому не спешите списывать нас со счетов. Конечно, многое изменилось, мы не враждуем и больше не собираемся освобождать весь мир от капитализма. Но договариваться надо» [1, с. 154], – продолжал настаивать он и был прав, потому что дальнейшее противоборство было бы контрпродуктивно для обеих сторон. Как представляется, Воронцов подал пример нового подхода к некоторым устоявшимся представлениям. Участвуя в дискуссии о российско-американских отношениях, состоявшейся в Горбачёв-фонде в мае 2001 г., он настаивал, что: «из нашей психологии необходимо изъять представление о том, что НАТО, вооружённая до зубов, кинется на Россию и что завтра война может быть. Это надо из себя “выдавливать по капле”, как говорил в своё время классик, потому что иначе никуда дело не пойдёт, если мы из себя это не выжмем» [1, с. 169]. Ю.М. Воронцов выражал надежду, «что отношения впереди будут развиваться по линии прагматизма, здорового прагматизма. Где удаётся – удаётся, где не удаётся – не удаётся, но это не приведёт к конфликтам, к войнам и катаклизмам» [1, с. 169–170].

Воронцов стремился подвигнуть американцев смотреть несколько вперёд, на 15–30 лет: «Отношения между США и Россией должны строиться с учётом того, что впереди лежит, какие трудности и как мы вместе можем их решать». При этом он имел в виду «самые большие противоречия», которые напрягаются в Азии, между огромными странами с огромным населением. Но американцы, считал он, «не умеют смотреть так далеко вперёд. Просто физически не могут, у них вся политика строится на коротких отрезочках времени: 4–8 лет. Они откровенно говорят: “дальше будет новый президент, новая администрация, пусть они и думают”... Огромная страна, называющая себя лидером в мире, не хочет смотреть вперёд» [1, с. 161].

Чтобы улучшить ситуацию в российско-американских отношениях, справедливо считал он, надо сконцентрироваться на поднятии России изнутри [1, с. 172].

Понимание Юлием Михайловичем важности экономических связей с США в качестве лучшего базиса для расширения политического взаимодействия с этой страной сказалось, в частности, в организации Российско-американского делового совета – консультативного органа по вопросам, связанным с экономическими отношениями России и США, президентом которого он был.

Вклад Юлия Воронцова в этот аспект нашей внешней политики останется навсегда в форме материальных реалий, будь то грузовик КАМАЗ, разумеется, постоянно совершенствуемый, или современная ЭВМ, обеспечивающая очередную стыковку нашего космического корабля с международной станцией» [1, с. 42].

Хочется ещё раз обратить внимание на аргументационный дар Воронцова, способного диалектически защищать свои национальные интересы даже в тех случаях, когда речь идёт о других странах. Говоря о том, что американцы являются главным возбудителем всех проблем в Ираке, он критиковал их за на-

вязывание там американских представлений о демократии: «Для американцев же ясно одно – демократия должна быть точной копией американской. Всё остальное – не истинная демократия. Причём к нам они с той же меркой подходят: “У вас нет демократии!” Конечно, у нас нет американской демократии. Не может она у нас быть в том виде, в каком она существует в США. Океаны нас разделяют. У них она выковывалась примерно за 300 лет, а у нас – недавно появилась, и она будет своеобразная, наша. За послевоенное время американцы, конечно, окрепли, остались единственными в плане экономической мощи, стали навязывать свою волю, которая оказалась, прямо скажем, довольно “своеобразной”, я сказал бы – примитивной. Не могут они широко взглянуть на вещи, поскольку у них есть известная “заикленность” на себе» [1, с. 195].

Возможно, в связи с американским вторжением в Ирак не до конца осмыслено с точки зрения последствий ещё одно соображение Воронцова: «Удар Соединённых Штатов по Ираку изменит в мире очень многое и вызовет цепную реакцию разных потрясений», – сказал он в интервью «Интерфаксу». В частности, он считал, что операция в Ираке «всколыхнёт арабский мир», из-за чего может быть существенно сокращена добыча нефти, либо будет что-то сделано специально, чтобы затруднить её поставку в США. «Кроме того, в случае начала войны изменится соотношение сил на Ближнем Востоке, а Иран займёт особое положение как единственная военная держава в этом регионе, и в этом качестве он будет гораздо сильнее любой коалиции арабских стран» [2, с. 563]. Любопытно, что у Воронцова не было иллюзий относительно Ирана, который, по его мнению, добывается ядерного оружия. «И добьётся. В своё время ядерные державы допустили ошибку, разрешив Пакистану иметь ядерное оружие. Иран важнее и весомее Пакистана, его это задело. Теперь в Иране амбициозный лидер, он пойдёт на рожон, невзирая на Совбез. Тегеран понимает, что серьёзных санкций никто против него применить не сможет. А у США нет сил для оккупации. Ситуация на стороне Ирана, и трудно предположить, чем это всё может закончиться», – говорил он газете «Коммерсант» 13 января 2006 года [2, с. 544].

На вопрос ещё о первой войне с Ираком в 1991 г., которая так неожиданно завершилась: в тот момент, когда вопрос о победе над режимом Саддама был почти решён и дорога на Багдад казалась открытой для союзнических войск, Воронцов, делясь информацией, которую он выведал у высокопоставленных американских собеседников после своего перевода из Нью-Йорка в Вашингтон, сказал, что против разгрома Саддама категорически возражали влиятельные арабские лидеры: «Они не хотели, чтобы Ирак как серьёзная военная сила, исчез с авансцены в регионе. Ведь он выполнял роль своеобразного щита против Ирана. Если бы вдруг Тегеран захотел расширить своё политическое влияние и границы, остановить его экспансию могла бы прежде всего иракская армия» [2, с. 564].

Воронцов также предостерегал американские нефтяные компании, которые уже договаривались о том, как поделить иракское нефтяное пространство в случае смены Саддама. «Ещё неизвестно, в каком состоянии они захватят эти скважины. Может, в сожжённом, как это было в Кувейте в 1991», – пояснил он. Наконец, он выразил недоумение по поводу того, что США в очередной раз

намереваются установить новую международную норму, открыто обсуждая перспективы свержения режима в другой стране. И далее следует особенно неожиданное предостережение: «Такое бездумное отношение к переворотам за пределами США опасно и в конце концов может привести к тому, что кто-то поставит аналогичный вопрос о смене режима в самих США» [2, с. 563].

Несомненно интересно пояснение Воронцова относительно «причин» второй войны с Ираком. Доклад госсекретаря Пауэлла в Совбезе ООН, по его мнению, никого убедить не мог. «Ибо был сделан для внутриамериканской ситуации. Американской администрации важнее, как она выглядит в глазах собственного общественного мнения... Обратите внимание, – продолжал Воронцов, – как доклад Пауэлла свёлся к химическому и бактериологическому оружию. А ведь начиналось всё с ядерного, которое якобы есть у Ирака» [2, с. 565].

И вновь встаёт вопрос о пресловутой демократии по-американски. «США носятся с идеей привития иракцам демократии, но это намерение американцев так или иначе задевает и соседние страны. Ведь там нигде демократией и не пахнет. В этом американские политики не могут, на мой взгляд, хорошо просчитывать вперёд. Нельзя так огульно перекраивать на свой лад целые страны и регионы... А вот европейцы и считают лучше, и поопытней во внешнеполитических делах, нежели американцы, у которых и в политике даёт о себе знать лихая ковбойская хватка. Почему Европа в волнении? Потому что из региона, в котором расположен Ирак, уже во время войны и особенно после неё могут хлынуть такие волны – и не только беженцев, но и террористов, – которые неизбежно докатятся и до Европы. А американцам что? Ирак от них далеко. Повоевали там как в Афганистане, собрали вершки, а европейцы должны подбирать за ними корешки» [2, с. 571, 572].

Иракская тема как незаживающая рана то и дело напоминает о себе, тем более, когда речь заходит о международном терроризме. «Особенно громко кричали в Конгрессе: “Давайте ударим по Ираку! Хусейн – тоже террорист!” Но, на мой взгляд, – это было большой глупостью со стороны американцев. Дело в том, что теперь, бомбя Афганистан, они ссорятся с мусульманами, а начав бомбить Ирак, они ссорятся не только с мусульманами, но и с арабским миром в целом. Портить отношения с ним – колоссальный промах. Американцы об этом не задумываются. Им лишь бы ударить. Я говорю американцам: ребята, вы нация, которая не играет в шахматы (Бобби Фишер – счастливое исключение). Передвинули фигуру и не думаете о том, что другая сторона тоже сделает свой ход. Игра-то вся впереди» [2, с. 575].

Обратим внимание на ещё одно значительное свершение дипломата Воронцова после работы в Вашингтоне.

На вопрос о неожиданном кадровом парадоксе, когда после 11 лет работы в США он был направлен главой советской делегации на Белградскую встречу заниматься так называемой «четвёртой корзиной», Воронцов напомнил, что «первыми скрипками» в перебранке по правам человека были СССР и США.

Весьма интересны рассуждения Воронцова о принципе консенсуса (единогласия): «В международных отношениях, где переплетаются национальные интересы государств, нельзя диктовать. В принципе консенсуса есть хороший элемент – надо договариваться. На этом и построена наша внешняя полити-

ка» [2, с. 26]. Любопытен в этой связи эпизод с маленькой Мальтой, имеющей равные права с другими государствами, в том числе с сверхдержавами СССР и США. Мальтийцы согласились в качестве компромисса с тем, что вопросы безопасности Средиземноморья будут после Белграда рассмотрены на встрече в Мадриде. «Убеждать их пришлось 8 дней! Однако лишь Гольдберг (руководитель делегации США) позволял себе резкости в их адрес. Представитель Мальты даже сказал: “Недавно меня позвал американский делегат на консультацию (интересная была консультация). Раньше это называлось инквизицией, а теперь – консультация”» [2, с. 127].

Нередко книга «ненаписанных воспоминаний» становится уникальным пособием для познания нюансов дипломатической кухни. Например, Воронцов замечает: «Право вето часто неправильно трактуется. Это не право введения запрета. Это право обсуждения спорного вопроса на фоне угрозы чьего-то вето. По сути, предложение о поиске новых компромиссов. Поэтому право вето фактически имеет обратную направленность – необходимость дополнительного согласования общего решения» [2, с. 581].

В этой связи, видимо, есть смысл вспомнить о такой традиции многосторонней дипломатии, как «выступление по мотивам голосования».

Несомненно, интересны индийские зарисовки посла СССР Ю.М. Воронцова, который по понятным причинам не мог не обратить внимание на поведение в Индии американцев, которые когда-то «по явному недопониманию международных дел (они 200 лет сидели за двумя океанами и до сих пор плохо воспринимают другие страны – что теперь и в Ираке видно) постоянно отталкивали индийцев. Индийцы по всем вопросам сперва тянулись к американцам (например, оружие). Американцы им говорили: можем, но только само оружие, без технологии, чтобы не могли ремонтировать и производить. А мы давали всё: танки, самолёты, включая возможность производить» [2, с. 95]. На работе в Дели Воронцов зашёл к американцам... «Что меня удивило несказанно – у них в посольстве огромное количество специалистов по СССР. Русскоговорящих, в том числе. Я потом даже перепроверил, у своих знающих людей спросил. Они говорят: да, полное посольство. А зачем? Затем, что американское посольство внимательно отслеживает, какие отношения у Индии с СССР» (там же). Позднее, рассуждая на тему о российско-индийских и российско-американских отношениях, Воронцов скажет: «Зачем поворачиваться спиной (к Индии. – *В.С.*) и разворачиваться всем телом к США? Правильно, США важны, но не за счёт же наших отношений с Индией... Мы потом развернулись и повернулись назад, и теперь у нас хорошие отношения» [2, с. 199].

* * *

В двух рассмотренных книгах насчитывается в общей сложности более 1000 страниц, причём менее скромная по объёму «Дипломат Юлий Воронцов» не уступает «Ненаписанным воспоминаниям» как равноценно уникальный источник информации к размышлениям. Читатель обратит внимание на практически доскональное (с привлечением различных источников) изложение истории вопросов, ставших вехами в дипломатической биографии Ю.М. Воронцова, совпадающими по времени с важнейшими этапами отечественной внешней

политики. Даже такой большой труд, как «Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова», вместе с мидовским сборником воспоминаний и документов не смог вместить все сюжеты его уникальной дипломатической биографии.

Несомненно, уместными для первого прочтения, но не для завершения знакомства с этими книгами будут следующие публикуемые впервые рукописные тезисы Ю.М. Воронцова: «И наконец, необходимо ограждать молодёжь в России и США от бацилл “холодной войны”. Мы живём в XXI веке. К сожалению, молодые люди в России и США ничего не хотят знать об идеологическом “мусоре” XX века. Старшее поколение не должно навязывать им “протухшие” страхи прошедших лет. Нужно поощрять больше обменов между молодыми людьми – пусть сами сделают свои выводы о настоящем. Пусть строят будущее, доверяя друг другу. Необходимо активизировать культурные обмены по линии молодёжных организаций. Нужны молодёжные фестивали, наподобие того, который был в 1957» [2, с. 644].

Это своеобразное завещание Воронцова любопытным образом совпадает с задачей, сформулированной министром иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавровым в Предисловии к сборнику воспоминаний: «Наша общая задача – обеспечить преемственность лучших традиций российской дипломатии, передать эстафетную палочку в надёжные руки новых поколений.

В этом смысле настоящий сборник приобретает актуальное значение. Патристические ориентиры и профессиональное творчество Ю.М. Воронцова имеют непреходящую ценность и особенно востребованы в наши дни как успешный пример работы по достойному, неконфронтационному, но твёрдому отстаиванию национальных интересов России на внешних рубежах. К опыту и мудрости видных представителей отечественной дипломатической школы, пляду которых ярко олицетворяет Юлий Михайлович, следовало бы почаще обращаться молодым коллегам» [1, с. 8].

Литература

1. Дипломат Юлий Воронцов. Сборник воспоминаний. – М.: Международные отношения, 2009. – 264 с., ил.
2. *Карапетян Гагик, Грачёв-Селих Владимир*. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова. – М.: Международный Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2011. – 864 с., ил.